

Атмосфера на съёмочной площадке на мгновение стала неловкой, и даже Дун Чуань, обычно уверенный в себе, задумался о своём положении, понимая, что зашёл слишком далеко. Увидев, как Цинь Су-Су покраснела от его пристального взгляда, он наконец повернулся к Ли Гуну и сказал:

— Мы снимаем уже довольно долго, давайте сделаем перерыв. Я принёс немного красной фасолевой пасты, попробуйте, прежде чем продолжить.

С этими словами он направился к Чэн Пэнфэйю.

Режиссёр поспешил за ним, спрашивая:

— Маленький император экрана, что вы здесь делаете?

— Я пришёл навестить съёмочную группу.

Режиссёр едва сдержал саркастический комментарий: будто бы они снимали многолетний сериал, а не рекламный ролик. Однако, понимая, что лучше не спорить, он просто показал Дун Чуаню предварительные кадры.

Будучи опытным профессионалом, Дун Чуань всегда знал, как улучшить сцену, и его идеи, выкованные годами работы с известными режиссёрами, сразу же заинтересовали его коллегу. Указывая на экран, он начал обсуждать детали, а режиссёр слушал с горящими глазами, чувствуя себя невероятно удачливым. Ведь помимо работы с таким талантом, как Чэн Пэнфэй, он теперь получал советы от самого Дуна.

Зная о дружеских отношениях между ними, режиссёр подготовил отдельную комнату для отдыха Дуна. Войдя внутрь, Чэн Пэнфэй, стараясь сохранить приличия, сел на диван и осторожно взял руку маленького императора экрана, с трудом скрывая радость:

— Зачем ты пришёл?

Дун Чуань усмехнулся и слегка ущипнул его за щёку:

— А ты что, не знаешь? Как это так, что тебя уже успели обидеть?

Чэн Пэнфэй только улыбнулся в ответ.

Дун не мог смотреть на то, как его обижали. Это напоминало ему их переписку в интернете, когда он, чтобы защитить Чэн Пэнфэя, попросил Вэй Дуна связаться с Саньцянем и уладить вопрос с заменой актёра. Чэн Пэнфэй был как Хэ Хайтан — вырос в грязи, жил в страхе и неопределённости, но всегда находил способ превратить даже самые мелкие радости в нечто сладкое.

Каждый раз, вспоминая, как Чэн Пэнфэй рассказывал ему о своей жизни по телефону, Дун чувствовал острую боль, желая восполнить те два года, которые они потеряли.

Глубоко вздохнув, он стёр след от своего щипка и сказал:

— Я столько лет крутился в этом мире, зарабатывал деньги и получал награды, только чтобы ты мог делать всё, что захочешь.

В этот момент в комнату вошёл Сяо Цзинь и, услышав эти слова, только удивлённо поднял брови.

После съёмок Чэн Пэнфэй сразу же улетел за границу. Вэй Дун сопровождал его, а Дун Чуань, занятый делами компании, не мог поехать с ними, но настоятельно просил Жумин и Вэй Дуна заботиться о нём.

На борту самолёта Сяо Цзинь, запинаясь, дождался, пока Вэй Дун уйдёт в туалет, и тихо спросил Чэн Пэнфэя:

— Пэнфэй, скажи мне честно. Дун так тебя ценит, ты мог бы дать отпор кому угодно. Почему ты так мягок? Это просто выводит меня из себя.

Чэн Пэнфэй, улыбаясь, потрепал его по голове:

— Что толку от временной жёсткости? Когда студия Дуна распространила информацию обо мне, всем стало ясно, что его люди действуют в моих интересах. Если я сейчас сделаю что-то не так, это только подставит Дуна.

— Но... Дун не обращает на это внимания. Его и так многие критикуют.

Чэн Пэнфэй вспомнил, как Дун в интернете защищал его от нападок компании «Хэнсин». Комментарии под постом были разные: одни хвалили его за смелость, другие ругали за неподобающее поведение публичной личности.

С его нынешним статусом Чэн Пэнфэй не мог поддержать Дуна в открытую, но и у него не было таких ресурсов, как у Дуна, чтобы справиться с критикой. Поэтому он старался не создавать проблем для Дуна, оставаясь верным своим принципам.

— Он не обращает внимания, поэтому я должен быть осторожен. Чтобы меня не недооценивали, нужно подняться на его уровень. Тогда никто не посмеет мне перечить. Если в конечном итоге результат будет тот же, зачем мне использовать его искренность для развлечения других?

Сяо Цзинь вздохнул:

— Ты действительно заботишься о Дуне.

— Кто сеет, тот и пожинает. То, что он сделал для меня, стоит того, чтобы я так отвечал ему.

Вернувшись из туалета, Вэй Дун вытер руки и написал Дуну в WeChat:

[Тебе повезло встретить такого преданного человека.]

Вскоре Дун ответил:

[Если завидуешь, найди себе такого. Не лезь ко мне сейчас. Я только начал отношения, а уже разлучён. Это просто невыносимо.]

Вэй Дун засмеялся, представляя, как Дун злится. Вскоре пришёл ещё один ответ:

[Не могу позволить себе злиться. Лучше зайду в Weibo и посмотрю, кого можно сегодня поругать.]

Вэй Дун только покачал головой.

Чэн Пэнфэй, с его добрым нравом, сразу понравился Бенджамину, который оценил его

восточную красоту. Он сразу же пригласил его на съёмки для создания образа.

Его партнёршами по фильму стали две актрисы: Сири и Хезер. Сири, элегантная и красивая, была одета в офисный костюм, а Хезер играла руководителя социальной службы в длинной хлопковой юбке и кедах, выглядевшей безобидно.

Роль Чэн Пэнфэя, Луки, была сложной: днём он был уважаемым полицейским, а ночью оставался один дома. Он был трансгендером, и однажды, набравшись смелости, он надел женское платье и отправился в бургерную за тридцать километров от города, где случайно столкнулся с женщиной, подвергшейся домашнему насилию.

В этот момент Сири была в командировке и зашла в бургерную поесть, а Хезер, получив сообщение, привела своих коллег на помощь.

Так три совершенно разных женщины оказались связаны одной историей.

Чэн Пэнфэй, благодаря наставлениям Дуна, почти избавился от акцента, но когда он говорил быстро, всё равно можно было услышать его характерный говор.

Бенджамин, с горящими глазами, показал ему четыре женских наряда, сшитых специально для него.

Восточная фарфоровая кукла!

Глядя на эти вечерние платья, ципао, брючные костюмы и мини-юбки, Чэн Пэнфэй глубоко вздохнул.

Прежде чем опубликовать образы, он отправил фотографии Дуну.

[Бенджамин сбрил мне волосы на ногах.]

На фото он был в тёмно-зелёном ципао, сидя с ногой на ногу. Несмотря на короткие волосы, его глаза излучали яркий блеск. Ноги, стройные и длинные, были запечатлены под углом, который подчёркивал их красоту.

Дун, находившийся на совещании, услышав звук уведомления, взглянул на фото и, с трудом сдерживая эмоции, объявил перерыв на двадцать минут. Офисные сотрудники переглянулись, но Ли Гун только пожал плечами, показывая, что сам не в курсе.

Вернувшись в свой кабинет, Дун сразу же позвонил Чэн Пэнфэю, и его голос звучал хрипло:

— Ты что, ищешь неприятностей?

На другом конце провода раздался сдержанный смех.

— Ага, когда приедешь и накажешь меня?

Дун, чувствуя, как горло пересохло, достал сигарету и закурил:

— Занят, не могу приехать. Что, скучаешь по мне, малыш?

— Нет, кто по тебе скучает, ты же как петарда.

Чэн Пэнфэй повесил трубку, не желая продолжать этот разговор. Он знал, что Дун никогда не

взорвётся на него, и ему нравилось иногда его дразнить.

Он улыбнулся и пошёл обсуждать сценарий с актрисами.

Ду Юэцю сегодня был счастлив — он получил автограф Дуна. Будучи его большим поклонником, он вошёл в индустрию именно благодаря ему. Однако он не хотел пользоваться своим положением, предпочитая оставаться обычным фанатом, наблюдая за успехами Дуна.

Он бережно положил автограф в альбом, а затем, увидев подпись Чэн Пэнфэя, фыркнул. Это был подарок от одной девушки, которая продала его за высокую цену, утверждая, что это коллекционное издание. Она даже добавила подпись Чэн Пэнфэя в качестве бонуса.

Кому она нужна?

Фу.

<http://bllate.org/book/15547/1413543>